

МАКРОСИМВОЛ *ВЕТЕР* В КНИГЕ К. БАЛЬМОНТА «БУДЕМ КАК СОЛНЦЕ»

«Будем как Солнце» сам автор определил как книгу символов [1]. Макросимволом принято считать словообраз, реализующий многоаспектный смысл и выступающий одним из ключевых элементов поэтического строя книги или даже совокупности книг как макротекста творчества поэта. Такое слово, как отмечает М. В. Марьева, проявляет парадигматическую структуру, «выступая как эквивалент явлений разного порядка (мир природы и человеческая жизнь, душевный мир, вселенское бытие)» [2, с. 245]. Макросимвол представляет собой один из компонентов авторской системы мироздания. «Проведение такого образа по всем разделам книги способствует накоплению семантического потенциала, увеличивающего его обобщающую силу», - пишет исследователь [3, с. 179]. Следовательно, макросимвол играет особую роль в формировании композиционно-образного единства поэтической книги, в выражении общего концептуального смысла.

Рассмотрим с этих позиций слово-символ *ветер*, ёмкий поэтический потенциал которого сформировался в истории его употребления (в библейском, фольклорном, классическом литературном контексте). В книге Бальмонта «Будем как Солнце» Ветер – это одно из главных проявлений стихии воздуха, и уже поэтому он занимает ключевую позицию наряду с образными эквивалентами других стихий: огня, воды и земли.

В то же время активность словообраза *Ветер* в разных частях книги весьма неравномерна. Наиболее явно и непосредственно образ-символ *Ветер* представлен в первом разделе – «Четверогласие стихий», центральная тема которого – «подчинённость единым законам человека и природы» [4, с. 248]. Уже здесь каждый из символов четырёх стихий ведёт свой мотив в движении общей темы; соотнесённые образы и связанные с ними ассоциации формируют, по выражению М. В. Марьевой, «мотивное поле», существующее «в едином эмоциональном ключе» [5, с. 179].

Кроме того, музыкальная основа архитектоники раздела «Четверогласие стихий», по мнению Д. М. Магомедовой, отражается в самом термине «Четверогласие» («система четырёх основных ладов, на которых строилось пение в древней христианской церкви») [6, с. 60]. Д. М. Магомедова считает, что «цикл действительно выстроен в соответствии с логикой богослужебных песнопений». Связь с богослужебной традицией усматривается ещё и в том, что «большая часть входящих в него стихотворений носит характер гимнов в честь божества» [7, с. 61].

Словообраз *ветер* выступает одной из реализаций «гласа», воплощающего стихию воздуха. Наша задача – выявить проявления символического строя этого образа; определить характер реализующегося в процессе его развития мотива; установить особенности его участия в формировании единого художественно-образного строя книги.

Мотивное поле, образующееся вокруг образа ветра, возникает постепенно, формируясь на основе взаимодействия общих образных характеристик стихий и человека, стремящегося слиться с ними. Прежде всего, это певучесть, пение – как проявление жизненной и творческой энергии («певучей силы»): «Я буду петь о Солнце / В предсмертный час!»; «Кто равен мне в моей певучей силе?»; «Но снова пели звоны / С воздушной вышины» (с.25); «И песня дев звучит во сне, / И тот напев ничей» (с.26); с волнами и солнцем соотнесено «сверканье струны» - творчество:

В тот час, когда погаснет Солнце,
Она забьётся, запоёт,
Светлее звонкого червонца
И полновучней синих вод (с.24).

И наконец, возникают «ветры певучие»: «Есть другие планеты, где ветры певучие тише...» (с.32).

Общим выступает соотношение с вечностью и изменчивость: в представлении огня: «Ты меняешься вечно, / Ты повсюду другой» (с.14); луны: «Наша царица вечно меняется...» (с.19); океана: «Дай мне быть твоей пылинкой влажной, / Каплей в вечном! Вечность! Океан!» (с.23). Вечным и неизменным представлен мир безветрия, куда возвращаются души, «Чтоб в царствии Безветрия навек забыть себя» (с.34).

Так ещё до появления мотивного ядра – четырёх стихотворений, посвящённых Ветру, - этот образ-символ обозначен во взаимосвязях с образами других стихий и проявляется в звуковом строе макроконтекста цепью звуковых соответствий: *ветер – вечно, в вечном, Вечность, сверкание, светлее, напев, певучий, безветрие, вернуться, навек.*

Звуковые комплексы, инициированные фонетическим строем слова ветер, соединяют с перечисленным рядом названия стихотворений, образующих мотивное ядро: «К Ветру», «Ветер гор и морей», «Ветер», «Завет бытия». Все четыре стихотворения строятся как обращения. В первом обращении определено заглавием – «К Ветру»; во втором и третьем обращении инициировано первой строкой и развивается до конца текста. В стихотворении «Завет бытия» обращение к Ветру в первой строке параллельно связано с обращениями к Морю и Солнцу во второй и третьей строках.

В каждом из стихотворений, представляющих мотивное ядро, образ Ветра развёртывается в соотношении с лирическим героем и непосредственно связан с его мироощущением, жизненной позицией. При этом последовательность расположения стихотворений не случайна.

В первом стихотворении соотнесённые ключевые характеристики создают романтический образ лирического героя («Ветер, о, Ветер, как я, одинокий»; «Ветер, о, Ветер, как я, безнадёжный»), пребывающего в бесцельном круговращении: «Что же мы ищем в безднах неверных, / Те же в конце, как в начале?»

Второе стихотворение композиционно заключено в двойное кольцо, которое образуют заглавие и последний стих («Ветер гор и морей»), а также первая и предпоследняя строки («Ветер, вечный мой брат»). Таким образом, подчёркивается не только одноприродность Ветра и лирического героя, но и междумирие, к которому причастны оба: «Ветер гор и морей» соединяет «высоту с глубиной», вдохновляя движение лирического героя: «И горит между двух / Мой блуждающий дух <...> И незримый летит над дорогой моей, / То шепнёт впереди, то умчится назад, / Ветер, вечный мой брат, / Ветер гор и морей». Песня Ветра увлекает героя «куда-то назад» - в контексте раздела – к изначальному надмирному единству одноприродного существования – Безветрию, бытию до разделения на стихии, до отделения самосознания, до рефлексии – к «освежительным снам»: «Всюду звон, всюду свет, / Всюду сон мировой», царство «иной», «неживой красоты». Беспокойство духа – вот главное качество, объединяющее Ветер и лирического героя. Композиционное кольцо подчёркивает это родство особенно выразительно.

В композиционном строе третьего стихотворения «Ветер» отражается динамика образа Ветра в постижении его лирическим героем. Здесь уже нет заданного мотива родства. Ощущение одноприродности представлено сначала как загадка: «Что ты душу мне томишь?», а затем, через представление ключевых характеристик Ветра (подвижность, лёгкость, устремлённость в путь, - причём это уже поступательное движение: «Вечно – прямо, снова – в путь»; в каждой черте – проявление жизни, непостоянство – как предельное проявление свободы: «О, неверный!») – к открытой просьбе: «Дай и мне забвенья, Ветер, / Дай стремленья твоего» - и к выводу: «Ветер, Ветер, Ветер, Ветер, / Ты прекраснее всего!»

Здесь уже одиночество в надмирном существовании преодолено органичным состоянием свободного духа – «вольный Ветер»; «неверный» - свободный от любых ограничений в проявлении жизни, в осуществлении этой жизни. Поэтому приём анаграммы, наблюдающийся в стихотворении, обуславливает особый вес заключительной строки, отражающей высшую степень значимости ветра для лирического героя («Ты прекраснее всего!»). Именно в этой строке вновь собраны все составляющие анаграммируемого слова *Ветер* [8, с. 126].

Таким образом, следующее стихотворение – «Завет бытия» – необходимая ступень в развёртывании мотива пути как жизнестроения. Его название определяет концептуальную направленность темы, которая развивается в композиции стихотворения на основе параллельно соотнесённых обращений к Ветру, Морю и Солнцу. Каждый из образов стихий вносит своё содержание в общее представление о человеческом бытии, но характерно, что обращение к Ветру начинается стихотворение и развивает мотив лёгкости, воздушности, молодости и свободы:

Я спросил у свободного Ветра:

Что мне сделать, чтоб быть молодым.

Мне ответил играющий Ветер:

– Будь воздушным, как ветер, как дым! (с.35)

Звуковой колорит мотива Ветра явственно обозначен и здесь: *великий завет, Море, светлее зари, ответило, гори*. Активная позиция Ветра, дополняющая общий жизнеутверждающий характер художественно-образного строя стихотворения, - безусловно, одна из необходимых составляющих «завета бытия», который воспринимает лирический герой от стихий воздуха, воды и огня.

Итак, мотивное поле Ветра в рассмотренных четырёх стихотворениях динамично развёртывается от представления одиночества и циклической замкнутости бесцельного блуждания – через преодоление возвратного движения «блуждающего духа» - к многообразию бытия и гармоничному проявлению жизнеутверждающей творческой энергии в согласном взаимодействии с другими стихиями. Поэтому завет Солнца, который слышит душа лирического героя («Гори!»), отражает в себе и проявления мотивного поля Ветра (семантика горения наблюдается в соотношении с Ветром и в стихотворении «Ветер гор и морей»; там же – высоты и света: «И горят предо мной / Высота с глубиной, / В глубине высоты / Свет иной красоты...»). В звукообразе это целый ряд слов с активным звуком Р: *Ветер гор и морей, красота, брат, впереди, прямо, травкою, громы, неверный, стремленья, прекраснее, играющий, зари, гори*.

В других стихотворениях раздела «Четверогласие стихий» макросимвол *Ветер* представлен в большей мере не ключевым словом, а отражением связанных с ним образных характеристик во взаимодействии с различными проявлениями жизни, - например, мотива полёта в представлении лёгкого, свободного движения, часто – одухотворённого или одухотворяющего: «Ты летаешь без усилий <...> Пролети в душе людской <...> О, царица светлых фей...» (с.39). Очень важен также мотив пения как проявления жизнеутверждающей и творящей энергии: общее ликование и весеннее возрождение мира передаётся метафорой пения во взаимодействии со сверканием, свечением, сиянием свободного мира: «вода запевшая», «песни звонкие», «Весь мир – одно сверкание / Улыбки свободной» (с.36); «поёт свирель» (с.38); «И сад многоцветный, расцветший гармонией красок поёт нам неслышно / О стройном согласье своей тишины, / О блеске цветочном испанской весны!» (с.39).

Особенно органично соотнесены в общем мотивном поле образы ветра и цветка. Объединяясь созвучием – *ВЕТ-* и семантическими коннотациями, эти словообразы часто взаимодействуют в художественном пространстве стихотворения, реализуя мотивы красоты, гармонии, лёгкого, воздушного начала:

И слышен лепет в листьях сонных,

И дремлет ветер на цветах.

Тот лёгкий ветер, что приносит

Благословение небес...

(Сумерки, с.41).

В заключительной части раздела «Четверогласие стихий» эти образные соответствия особенно активны в стихотворениях «Вербы» и «Цветок».

Стихотворение «Вербы» основано на семантическом и звуковом соотношении ключевых образов: вербы и ветер. Весь текст буквально «прошит» звуковыми комплексами, отражающими фонетический облик ключевых слов: *вербы овяны ветром нагретым,*

светом, ветви, весёлыми, цветами, светло, сердцем, вечным овеяны. Безусловно, это усиливает взаимодействие парадигматически связанных образов: *вербы, ветер, свет, ветви пасхальные, цветы, песни пасхальные, веяние вечности.* В результате в мотивном поле ветра усиливается выражение духовного, высокого мира, Божией благодати, одухотворяющей земной мир и приобщающей его к миру вечному [9, с. 182].

Заключительное стихотворение «Цветок» отражает множество рассмотренных аспектов мотивного поля Ветер: представление красоты, воздушности как проявления лёгкости и как причастности к стихии воздуха, к высшему миру, полёта – и безветрия (как проявления неземного бытия), изменчивости и свободы (ничей – один из важнейших в поэтике Бальмонта эпитетов, реализующих эту семантику):

Цветок

Я цветок, и счастье аромата
Мне самой Судьбою суждено,
От восхода Солнца до заката
Мне дышать, любить и жить дано.

А с закатом, в пышной чаще сада,
Где я сказкой нежною цвету,
Задрожит высокая ограда,
И умолкнет ветер на лету.

Женщина воздушная, вся в белом,
Медленно сквозь главный вход войдёт,
И движеньем ласковым, но смелым,
Стебель мой цветущий оборвёт.

От восхода Солнца до заката
Измененья тени и лучей.
И растёт дыханье аромата...
До заката буду я – ничей! (с.42)

Таким образом, стихотворение, завершающее раздел «Четверогласие стихий», вновь отражает сосуществование земного, реального, и высшего, потустороннего миров; одним из показательных проявлений каждого выступает ветер – и безветрие. Символический характер образа цветка определяется пограничным, рубежным состоянием его на грани этих миров. В эмоционально-оценочном аспекте здесь очень важна интенция макросимвола *Ветер*: характеристика «ничей» – одна из важнейших в его мотивном поле. Восклицательная интонация ещё ярче подчёркивает это образное определение, безусловно важное и для представления лирического героя.

Так выстраивается и работает художественно-образное содержание макросимвола *Ветер* в концептуальном строе первого раздела книги.

Остальные части книги в разной мере отражают те или иные аспекты мотивного поля *Ветер*. Как правило, ключевой словообраз представлен в них единичными употреблениями. Макросимвол находит отражение в звуковом строе, системно проявляясь в словах *ветви, вечер, светлый, перепевный, мгновенье, неизвестное, свежесть, откровение, певучий, времена, весь, цветок, напевный, звенящий, дуновения веков, веций, веет, сверкают, вершины, звезда, велела, вера, навек, семицветник, светло, весна, ответ, неверный, забвенье, прикосновенье, твердить, дева, весёлый, ведомо, благословение, созвездья, ветхий, извечен, свеча, неведомое, верховный, прозвенеть, венецианский, норвежский, заветный, великий, свершить, возвещать, величественный, весталка, выцветший, отверженные, сверхчеловек, таинственно, рассвет, величье, Веласкес, чувственно, дверь, время, безвестных, травы,*

Вестник, венец, тень в воде, творческий. Все эти слова обнаруживают положительные коннотации.

С отрицательными выявлено всего несколько единиц, имеющих созвучные элементы со словом ветер: *звери, звериный, зловещий.*

Семантические реализации мотивного поля *Ветер* связаны с направленностью соответствующего раздела книги и составляют единое целое с его художественно-образным строем.

В разделе «Змеинный глаз» единицы мотивного поля *Ветер* реализуют значение творчества (вымысел *певучий*, «разбросай в *напевах* золото по стали», *воздушные песни*); ветер непосредственно включён в процесс творчества:

Я звучные песни не сам создавал,
Мне забросил их горный обвал.
И ветер влюблённый, дрожа по струне,
Трепетания передал мне.

(Мои песнопенья, с.45)

Ветер выступает воплощением свободы, в том числе и применительно к человеческой душе:

Жить среди беззакония,
Как дыханье ветров <...>
<...> Быть свободным, несвязанным... (с.47);

Неизменно сохраняю я
Душу вольную мою

(Воля, с. 47).

В структуре книги М.В.Марьева соотносит «Змеинный глаз» с разделом «Сознание», где на первый план выходит мотив поступательного движения, духовного развития человека. Динамика образа Ветра реализована здесь в аспекте движения к духовным высотам. Это движение представлено в диалектическом развитии от индифферентной двойственности («Ищи меня в небе, ищи меня в тёмной реке...», с.101) – к упоению «бесчувственным Великим Ничто», нирваной забвения: «Я тихо сплю – я тот же и никто, / Моя душа – воздушность фимиама» (с. 117) – и к преодолению смерти через движение к светлому и вечному Богу: «И Бог всегда уходит. И мы должны идти» (с. 112); «Ярко только Солнце, вечен только Бог!» (с. 118).

Эту направленность отражает итоговая фраза раздела «Сознание», где мотивное поле *Ветер* обозначено эпитетом *вольный*:

Но, стремясь, греша, страдая, плача,
Дух наш *вольный* был всегда храним.
Жизнь была решённая задача,
Смерть пришла как радость встречи с Ним.

Таким образом, разделы «Змеинный глаз» и «Сознание» в соотношении друг с другом отражают ту же направленность, что и первый раздел книги, - вольный дух, устремлённый к Творцу и творчеству.

Разделы «Млечный путь» и «Зачарованный грот» взаимосвязаны в выражении разных проявлений любви. Мотивное поле *Ветер* представлено в них крайне неравномерно (можно сказать, контрастно).

В разделе «Млечный путь» очень активно выражение воздушности как одного из ведущих проявлений ветра, реализующего одно из основных качеств воздушной стихии – лёгкость, невесомость, свободу во всём. Воздушным выступает здесь сад («Воздушный сад исполнен аромата», с.60), первозданная планета (с.60), цветок, девушка, подобная цветку («Что ты цветок воздушный», с.68), «воздушно светит в сумерках звезда» (с.65); воздушность представлена как опредмеченный признак: «Но я люблю воздушность и белые цветы» (с.68).

Лёгкость и красота соотнесены непосредственно с образом цветка; в таком контексте ветер часто олицетворяется и служит выражению состояния любви:

Ты видал ли, как вздыхает вешний ветер меж цветов,
Их целует, и качает, ими прян и сладко нов» (с.65);

Ты вся мне кажешься нетронутым цветком,
Едва лелеемым, стыдливо и любовно,
Полувлюблённым ветерком...» (с.70)

В выражении лирического чувства метафора пения, напева сближается с мотивным полем ветра через характернейший для него эпитет с семантикой независимости, свободы – *ничей*:

Твоя душа – *напев звенящего ручья*,
Который говорит, что ты *ничья, ничья...*

Таким образом, чары красоты, образно отражённые в этом разделе, приобретают высокую тональность, во многом реализуя экспрессивный потенциал мотивного поля *Ветер*.

Следы этого поля весьма немногочисленны в разделе «Зачарованный грот». Всего лишь два включения элементов этого поля могут быть отмечены в рассмотренных выше семантических проявлениях: «Я воздушно её поцелую» (с.84), а также в уподоблении любви «ко мгле и тьме» перепевному стиху.

В то же время этот раздел пронизан звуковыми проявлениями мотива ветра (словами, отражающими звукокомплексы, источником которых служит слово *ветер*). Кроме того, заключительное стихотворение раздела построено на параллельном соотношении образов моря, воздуха и света, горения в амебейной композиции («Она отдалась без упрёка»).

Таким образом, и в разделе «Млечный путь», и в «Зачарованном гроте» с воздушной стихией и её проявлениями связано высокое начало, хотя акценты расставлены контрастно, и смежные разделы книги представляют «чары красоты» в одухотворённом – и сниженном (хотя и эстетизированном) образах.

Всего одно употребление слова *ветер* (в устойчивом сравнительном обороте «как ветер свободный») наблюдается в пятом разделе «Danses Macabres», развивающем тему раздвоенности и бездуховности, приводящей к смерти. Характерно, что среди ряда слов, в звуковом строе которых отражено ключевое слово *ветер*, больше, чем в других разделах, лексем с отрицательным эмоционально-оценочным и образным наполнением: *зверь, ведьма, неведомое*.

Зато последний, седьмой раздел, поэма «Художник-Дьявол», отражает практически весь объём мотивного поля *Ветер* и непосредственно соотносится с представлением Ветра в самом начале книги.

В стихотворении «Безумный часовщик» ветер представлен в мифопоэтическом значении – актант, несущий то или иное субстанциальное начало (в этом аспекте слово употребляется в форме множественного числа – ветры): поэт-часовщик «Владел землёй, морями, сонмом гор, / *Ветрами*, даже небом безграничным» (с.119).

Ветры как носители того или иного природного или духовного начала в лирическом сюжете текста наделены дионисийским, будоражающим мир характером: после разделения единого и цельного мира на противоположные составляющие, раздробления Вечности на отрезки времени, ветры образуют бесцельный и бесплодный круговорот не только в мире природы, но и во внутреннем мире человека – «в пространствах снов»: «И *ветры, напоённые проклятьем*, / В пространствах снов *кружат, кружат, кружат*» (с.120).

В образном отражении человека, его внутренней раздвоенности, ветер противопоставлен свету и огню (он задувает огонь): «Мы факелы – и *ветер мы впотьмах*» (с.122).

Вместе с тем в сознании лирического героя, стремящегося воссоздать цельность бытия и приобщиться к ней, ветер выступает проявлением свободной стихии, способной поступать по своей воле. В противовес зависимому от судьбы человеку, ветер уподобляется

морю, с каждым возвратным движением волны обретающему новые силы для жизни, активной борьбы:

И так же *ветер*, с первых дней донныне
Таящийся в горах с их влажной тьмой,
На краткий миг бросает их твердыни, -

Промчит грозу равниною немой,
Случайно изумит людей циклоном,
И вновь спешит, к ущельям гор, домой. (с.147)

Лирический герой-поэт непосредственно соотносится с ветром в проявлении свободной воли через метафору грозы: «Опустошённый *творческой грозой*, / Блаженно стынет нежащийся дух, / Как стебли трав, забытые косою».

Название последней главы поэмы – «Освобождение» - передаёт состояние единого и цельного мира, в котором человек через творческое преодоление хаоса, разлада преобразуется в гармоничном согласии космического, земного, душевного и духовного миров. В звуковом характере текста при этом ярко выражен мотив ветра:

Мы звенья **вкруг** созвездного кольца,
Прогалины **среди ветвей** сплетённых,
Мы **светотень** разумного лица... (с. 148)

В парадигме образов, знаменующих это освобождение, - ключевые характеристики мотивного поля *Ветер* во взаимодействии с другими стихиями: пение как проявление творческого состояния, изменчивость как воплощение внутренней свободы и развития, стремительное движение, устремлённое к новой, яркой, значительной цели, одухотворённость бытия:

Лучами наших снов освобождённых
Мы тянемся к безмерной Красоте
В морях сознания, звонких и бездонных.

Мы каждый миг – и те же и не те,
Великая расторгнута завеса,
Мы быстро мчимся к сказочной черте, -

Как наши звёзды к звёздам Геркулеса.

Таким образом, макросимвол *Ветер* в художественном строе книги символов «Будем как Солнце» обнаруживает динамику, отражающую развитие концептуальной направленности всего макротекста. Общая логика развития книги, как отмечает М.В.Марьева, - «от пассивного познания к активному творчеству» [10, с. 262]. Мотивное поле *Ветер* отражает взаимодействие аполлонического и дионисийского начал. С одной стороны, это проявляется в аспекте реализации общих для всех стихий качеств (вольность, независимость от человека, масштабность, амбивалентность в проявлении позитивных и негативных свойств, энергия жизни – творящая и разрушительная, проявление вечного во временном, динамичность как необходимое для осуществления жизни свойство). С другой стороны, в нём то неповторимое, что привносит особый характер в отражение единства человека и мира: лёгкость, воздушность, непосредственное проявление стихии воздуха в соотношении с человеческой душой, одноприродность души, ощущающей свою неземную духовную родину через чувство родства с Ветром («Ветер, вечный мой брат...»). Воздушная стихия предстаёт формой бытия, соединяющей земное и неземное, надмирное пространство, а ветер выступает вестником и проявлением, осуществлением этого бытия.

Примечания

1. Текст цитируется по изданию: Бальмонт К.Д. Будем как Солнце. Книга символов. Марьева М.В. Книга К.Д.Бальмонта «Будем как Солнце»: Эkleктика, ставшая гармонией. Иваново, 2008.
2. Бальмонт К.Д. Будем как Солнце. Книга символов. Марьева М.В. Книга К.Д.Бальмонта «Будем как Солнце»: Эkleктика, ставшая гармонией. Иваново, 2008.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Магомедова Д.М. К.Д.Бальмонт. «Четверогласие стихий». Заглавие и конструктивный принцип цикла // Искусство поэтики. Искусство поэзии. К 70-летию И.В.Фоменко. Сборник научных трудов. Тверь, 2007.
7. Там же.
8. Преображенская А.А. Звук и смысл в стихотворении К.Д.Бальмонта «Ветер» // Солнечная пряжа. Вып. 3. Иваново-Шуя, 2009.
9. О звуковом сближении слов, связанных по смыслу, см.: Кожевникова Н.А. Из наблюдений над звуковой организацией стихотворного текста // Проблемы структурной лингвистики 1979. М., 1981.
10. Бальмонт К.Д. Будем как Солнце. Книга символов. Марьева М.В. Книга К.Д.Бальмонта «Будем как Солнце»: Эkleктика, ставшая гармонией. Иваново, 2008.

Опубликовано: Солнечная пряжа. Вып. 4. Иваново–Шуя, 2010. С.19–26.